

Хрущев А. В., преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Сибирский юридический институт МВД России

Россия, г. Красноярск

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРИГОТОВЛЕНИИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Аннотация: в статье рассмотрены различные аспекты развития уголовной ответственности за приготовление к преступлению.

Ключевые слова: приготовление к преступлению, история российского законодательства.

Abstract: the article deals with various aspects of the development of criminal responsibility for preparing for a crime.

Key words: preparation for a crime, history of Russian legislation.

Уголовная ответственность за приготовление к преступлению исторически была сформулирована в более общем виде как ответственность за неоконченное преступление, то есть дифференциация неоконченного преступления на приготовление к преступлению и покушение на преступление, как это производится в нынешнем российском уголовном законе, не производилась вплоть до советских уголовных кодексов.

Так, дореволюционное российское уголовное законодательство критерием разделения отдельных видов неоконченного преступления и наказания за неоконченное преступление предусматривалось «близость покушения к совершению» (ст. 114 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [1]). Однако, понимание неоконченного преступления все же было далеко от единообразия.

Еще в конце XIX века русский ученый Н.С. Таганцев отмечал, что «Мера наказуемости покушения и в доктрине, и в большинстве кодексов ставилась в зависимость от деления покушения на виды. Деление это было двоякое: покушение различалось или по степени близости его к окончанию – отдаленное или менее отдаленное, или по объему деятельности виновного – оконченное или неоконченное» [2, с. 190].

По мнению Н.С. Таганцева критерий выделения стадий неоконченного преступления по объему уже совершенной деятельности неточен, поскольку он сложно устанавливается, - не является физической величиной, а устанавливается субъективно, совокупностью признаков, - кроме этого, в любой преступной деятельности, оконченной и неоконченной, имеет место определенный объем деятельности. Но, несмотря на это, критерий объема был воспринят дореволюционной уголовной доктриной [3, с. 89].

Перемены государственного устройства 1917 года повлекли за собой новое видение, в том числе, уголовно-правой защиты общества от различного рода преступных деяний. При этом концептуально советская власть пыталась максимально отойти от достижений правовой науки царской России, в том числе, и в части уголовного законодательства. Советское законодательство с пренебрежением отнеслось к наработкам ученых царской России во многих уголовно-правовых институтах, что коснулось также толкования неоконченного преступления и уголовной ответственности за него. Советское законодательство начального периода своего существования не только не выделяло этапы совершения преступления, но и какое-то время существовало даже без единого кодифицированного акта, по которому наступала уголовная ответственность, и производился уголовный процесс. Вопросы уголовного наказания решались фрагментарно, путем издания декретов, постановлений или деклараций, посвященных отдельным вопросам. В условиях такого низкого развития уголовно-правового закона такие нюансы, как теоретическая проработка этапов неоконченного преступления представлялись ненужной

роскошью. Вопросы уголовной ответственности за неоконченное преступление решались казуально, применительно к конкретным ситуациям.

Например, с первых лет правления было издано обращение СНК от 05.12.1917 года «О саботаже чиновников Министерства продовольствия» [4], которое устанавливало уголовную ответственность за преступные попытки обмануть сознание широких масс в объяснении причин срыва обеспечения продовольствием трудящихся.

Далее, в Декрете СНК от 08.05.1918 года «О взяточничестве» [5] было предусмотрено, что «покушение на получение или дачу взятки наказывается как оконченное преступление».

Декрет СНК от 22.07.1918 года «О спекуляции» [6] включал в себя нормы о том, что при покушении на спекулятивные действия наступает уголовная ответственность как за уже оконченное преступление.

В Постановлении СНК от 30.07.1918 года «О набатном звоне» [7] были установлены положения о том, что созыв населения к контрреволюционным посягательствам набатным звоном, рассылкой гонцов и тревожными гудками, а также попытка совершения этих действий влекли за собой уголовную ответственность на одинаковых основаниях, то есть покушение на преступление и его полное оконченное совершение наказывались одинаково.

Итак, до издания первых кодифицированных уголовно-правовых актов регламентация уголовной ответственности за приготовление к преступлению не была дифференцирована от покушения на него и решалась казуальным образом, посредством установления ответственности за отдельные виды неоконченных уголовно-наказуемых деяний. Установление уголовной ответственности за неоконченное преступление было показателем особой общественной опасности этих деяний для стабильности молодого советского государства, в связи с чем такая ответственность предусматривалась по тем преступлениям, которые подрывали социально-экономические устои нового порядка [8, с. 10].

Началом кодифицированного нормотворчества в уголовно-правовой сфере можно признать принятие Руководящих начал по уголовному праву 1919 г. [9]. В разделе IV Руководящих начал содержались положения о стадиях преступления: в ст. 17 Руководящих начал было определено, что «Преступление считается оконченным, когда намерение совершающего преступления осуществилось до конца». В ст. 19 Руководящих начал содержались нормы о приготовлении к преступлению: «приготовлением к преступлению считается приискание, приобретение или приспособление лицом, подготавливающим преступлением, средств, орудий и т. п. для совершения преступления». Также содержались положения о покушении на преступление.

При этом, следует отметить, что, несмотря на несомненное достижение Руководящих начал в формировании концепции неоконченного преступления, Руководящие начала были непоследовательны в решении вопросов установления уголовной ответственности за отдельные этапы неоконченного деяния. Например, в ст. 20 было указано, что стадия «осуществления намерения, совершающего преступление сама по себе не влияет на меру репрессии, которая определяется степенью опасности преступника». То есть, толкование этой нормы позволяло установить одинаковую ответственность как за приготовление к преступлению, так и за покушение на него, что лишало всякого смысла теоретическое разграничение стадий неоконченного преступления в ст. ст. 17 и 18 Руководящих начал 1919 года.

Дальнейшее развитие теории неоконченного преступления происходило в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года [10]. В ст. 12 УК РСФСР содержалось понятие приготовления к преступлению: «приготовлением к преступлению считается приискание или приспособление орудий, средств и создание условий для совершения преступления». При этом изначально УК предусматривал наступление уголовной ответственности за приготовление к преступлению только в том случае, если это специально было обозначено в статье Особенной части уголовного закона. Однако, затем в ходе совершенствования норм

уголовного законодательства уголовная ответственность за приготовление к преступлению уже строилась по принципу обобщения на все виды уголовно-наказуемых деяний.

В 1923 году в ст.12 УК РСФСР 1922 года были внесены изменения в соответствии с которыми при установлении факта приготовления к совершению преступления, суды стали применять такое наказание, как высылку.

В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года [11] уже не была проведена дифференциация отдельных этапов преступной деятельности, приготовление к преступлению и покушение на него были объединены общим понятием предварительной преступной деятельности, под которым понималось «начатое преступление», которое не было доведено до конца. При этом наказание за приготовление и покушение назначалось в пределах санкции той статьи, которая предусматривала соответствующее оконченное преступление, и связывалось со степенью завершенности преступления, близостью наступления вредных последствий, а также степенью опасности преступника (ст.11 Основных начал).

Библиографический список:

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. - URL: <http://museumreforms.ru/node/13654>.
2. Таганцев, Н.С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Кн.1. Учение о преступлении. - СПб, 1878. С. 190.
3. Николаева, О.Н. Назначение наказания за неоконченное преступление // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. № 2. С. 89.
4. О саботаже чиновников Министерства продовольствия: Обращение СНК от 05.12.1917 года // СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 47.
5. О взяточничестве: Декрет СНК РСФСР от 08.05.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 467.

6. О спекуляции: Декрет СНК РСФСР от 22.07.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 54. Ст. 605.
7. О набатном звоне: Постановление СНК от 30.07.1918 года // СУ РСФСР. 1918. № 24. Ст.415.
8. Узденов, Р.М. Уголовно-правовая регламентация стадий неоконченного преступления в советском законодательстве // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. С. 10.
9. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.
10. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР: Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
11. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924) // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205.